

Яков Пляйс
Доктор исторических наук, профессор
кафедры политологии Финансовой
академии при Правительстве РФ

**РОССИЯ И ЕВРОПА: зачем мы нужны друг другу
и приведут ли сегодняшние попытки сближения
к преодолению цивилизационного разлома?**

Проходят столетия, но чрезвычайно объемная и многоаспектная тема взаимоотношений между Россией и Европой остается одной из самых сложных, дискуссионных и актуальных.

В истории российско-европейских отношений, полной самых различных страниц и глав, были, и надо надеяться, еще будут светлые страницы, но большая их часть, к великому сожалению, все же окрашена в драматические и даже трагические цвета. Объясняется это тем, что в течение многих столетий Россия и Европа находились в состоянии перманентной борьбы, а нередко и жестокой вражды друг с другом. Попытки понять первопричины и корни этой вражды приводят нас к неутешительному выводу: основной первопричиной постоянного соперничества и многочисленных войн между Европой и Россией был *цивилизационный разлом и противоречия, вытекающие из него*.

I. Причины и содержание цивилизационного разлома

В чем же выражается этот разлом, что лежит в его основе, и как он образовался?

Выражается он, если говорить коротко и только о сути, в различном менталитете, условиях, организации и образе жизни европейцев и россиян. В основе этого разлома лежит целый ряд факторов как объективного, так и субъективного свойства. Основные среди них: география, простирающаяся на два континента, климат, различия в вере, труднопреодолимые государственные границы, действия правящих сил, направленные не на сближение народов, а на их противопоставление и др.

Образовался разлом в результате многовекового действия всех этих факторов и приобрел он глубинный, если не сказать фундаментальный характер. Две цивилизации – европейская и российская, – образовавшиеся в итоге длительного раздельного развития, пока еще с трудом воспринимают друг друга.

Передовые во многих отношениях европейские народы и государства всегда взирали сначала на Русь, а затем Россию как на далекую окраину своего континента (скорее как на страну азиатов, чем европейцев), населенную, если не варварами, то безнадежно и навсегда отсталыми людьми (чуть ли не медведями), не способными разумно и рационально распорядиться своими огромными богатствами и бескрайними землями. Такое отношение у многих европейцев давно перешло в менталитет и не выветрилось до сих пор. Не случайно, вероятно, что когда европейцы говорят о Восточной Европе, они не включают в нее Россию. Такой же подход к европейской географии, как это ни удивительно,

утвердился и у нас. И Россия никогда не взидала на Европу безразлично. Чувства зависти (тайной и явной) никогда не давало покоя россиянам, было неиссякаемым источником и стимулом преодолеть отсталость, скопировать модель социально-экономического развития. Из чего, правда, ничего путного никогда не получалось.

В эпоху колониальных войн и нескольких переделов мира необъятные территории России были тем лакомым куском, который одновременно притягивал многие народы как мощный магнит и вместе с тем страшил, как страшит бездна, в которой можно пропасть без следа.

Многочисленные попытки покорить Россию, превратить ее если не в свою вотчину, то в свой сырьевой придаток, неизменно заканчивались неудачами. (Некоторым исключением из правил можно считать иго монголо-татар, длившееся более двух с половиной веков, закончившееся тем, что захватчики растворились в своей жертве, передав ей, правда, некоторые свои черты). По, казалось, необъяснимым причинам Россия находила в себе достаточно сил, чтобы отстоять свой суверенитет. И не только свой, но и многих других народов и, главным образом, кстати говоря, европейских. Правда, за это России всегда приходилось платить огромную цену, прежде всего в человеческих жизнях.

Особенно жертвенным оказался XX век. В этом веке свобода стоила России нескольких десятков миллионов жизней, и ее военные раны настолько глубоки, что не зарубцевались даже через 55 лет после окончания войны.

Век минувший был для России необычным и во многих других отношениях. Стремясь любой ценой догнать и перегнать развитую Европу и вместе с ней весь мир, Россия – СССР – и опять Россия совершила несколько революций, неоднократно меняла модель социально-экономического развития и совершала многое другое, на что другие народы не отваживались. Так складывалась наша история, и порой может показаться, что не всегда ее ход был подвластен правящим силам.

Если же попытаться ответить на вопрос, что же главное из того, что XX век дал России, то нужно будет признать, что это главное – *новое качество общества*, которое, кроме всего прочего, выражается в новом качестве культуры. При всех серьезных недостатках, которые были присущи советскому тоталитаризму и авторитаризму, он имел и некоторые важные достоинства. Одно из них состояло в целенаправленной концентрации усилий и разнообразных ресурсов на важнейших для страны направлениях. К этим направлениям правящая коммунистическая партия, следуя установке В.И.Ленина, всегда относил культуру, образование и науку. В результате, несмотря на чрезмерную идеологизацию всех этих сфер жизни, они (по сравнению с состоянием на начало века) оказались весьма развитыми и в определенной мере сопоставимыми с аналогичными сферами высокоразвитых европейских стран. Именно в этих сферах, развитие которых началось на Западе значительно раньше, чем в России, формируется тот интеллектуальный

ресурс нации, без которого невозможны никакие прорывы и успехи ни в экономике, ни в политике.

Здесь, правда, следует заметить, что за последние годы по известным причинам этот потенциал несколько ослабел, но он все еще достаточно велик, чтобы составлять фундамент и стартовую площадку для дальнейшего социально-политического и экономического прорыва России.

Утверждая, что в XX столетии народы России перешли в другое состояние культуры, я хотел бы сделать два важных дополнения к этому утверждению.

Первое из них состоит в том, что иной, более высокий уровень культуры – это само по себе всего лишь объективная предпосылка, но еще не панацея и не гарантия прорыва. Тем более, что этот уровень, если быть объективным, не так уж и высок в сравнении с общей культурой, к примеру, западных стран. В целом, если быть самокритичным, бытовая, производственная, техническая и некоторые другие аспекты общей российской культуры, явно отстают от зарубежных аналогов.

Ведь культурный слой, подобно почвенному гумусу, накапливается и откладывается в человеческом сознании и поведении как индивидуальном, так и массовом, веками. И то, что на Западе формировалось столетиями, объективно не могло еще сформироваться в России.

Тем не менее, общая культура России конца XX столетия несравненно выше культуры начала этого века. Однако каким бы ни был уровень культуры, само по себе это еще мало что значит. Поскольку это обстоятельство еще надо задействовать и использовать во благо прорыва. Для этого необходимо, кроме всего прочего, *уметь пользоваться плодами культуры*. Без подлинной и узаконенной, осознаваемой свободы, без культуры правового государства эффективно пользоваться плодами свободы невозможно. Но в России никогда не было подлинной узаконенной свободы личности и, соответственно, явно недостаточно опыта ее использования себе и обществу во благо.

Второе дополнение состоит в следующем. Говоря о культуре тоталитарного общества, нельзя, разумеется забывать, что это своеобразный, особый тип культуры. Особенность его заключается в высокой степени идеологизированности, подданической заданности и направленности. Демократия не приемлет такую культуру, поэтому речь неизбежно должна идти о переходе и о формировании в России новой культуры, культуры политического участия. Задача эта весьма сложная, требующая много времени. Надеяться на обратное, значит быть романтиком-утопистом.

Говоря о новом состоянии российского общества, нельзя забывать и о том факте, что в новое качество перешли практически все народы нашей планеты. При этом каждый народ преодолевал свою собственную дистанцию и свой собственный исторический опыт. Для некоторых, в частности, для колониальных и полуколониальных народов, эта дистанция

была несравнимо длиннее, чем для многих народов Европы, которые начали свой транзит к демократии еще в XVIII–XIX вв., а некоторые еще раньше.

Однако в XX веке народам России пришлось преодолеть исключительно тяжелые обстоятельства: три революции, две мировые и несколько локальных войн, тоталитаризм, авторитаризм, 6-7 смен моделей общественного развития и пр.

Кроме того, России издавна, благодаря своей географии, приходилось, и вероятно еще придется, выполнять роль *глобального* противовеса, амортизатора и гасителя мировых катаклизмов. (В локальных масштабах эту роль приходилось выполнять и другим странам). Эта роль связана с большими жертвами: человеческими, материальными, финансовыми и т.д. Но этот крест, как говорится, дан ей свыше и его приходится нести. Поэтому, хочешь – не хочешь, в России всегда была чрезмерно велика роль государства, из-за этого она несла непомерные военные расходы, народ привык мириться с притеснениями властей, со многими ограничениями материального свойства, бытовыми неудобствами и т.д.

Что же вытекает из всего сказанного, если не забывать о главном сюжете доклада? Что то главное, что издавна характеризовало отношения между Россией Европой? Главное – это *напряженные, зачастую враждебные отношения между этими двумя частями мира, в основе которых лежат глубинные цивилизационные различия.*

Важно отметить и то, что такое состояние было характерно независимо от социально-экономической и политической системы, которая действовала в России или СССР. И при царе, и при большевиках, и в значительной мере теперь при молодой демократической власти, российско-европейские отношения мало чем отличались. Наглядное подтверждение тому – это военные доктрины НАТО, которые можно рассматривать как одно из проявлений цивилизационного разлома между Россией и Европой.

II. Проявления разлома

1. Отношения между Россией и НАТО через призму цивилизационного разлома

И стратегия “сдерживания” коммунизма, бывшая на вооружении НАТО с момента ее основания в 1949 г. по 1967 г., и стратегия “гибкого реагирования”, пришедшая на смену первой и действовавшая по 1991 г., и стратегия расширения блока на Восток были направлены своим острием сначала против СССР, а затем против России, хотя это всегда отрицалось лидерами блока. В той же мере против Запада были направлены военные доктрины ОВД, лидеры которого также, как и натовские, говорили исключительно об оборонительном характере этой организации.

Правда, стратегическая концепция НАТО 1991 г. исходила из того, что в условиях распада Организации Варшавского договора и лагеря социалистических государств целесообразно отказаться от стратегии “гибкого реагирования” и концепции “передовой обороны” и одновременно сократить и реорганизовать силы и средства альянса, понизить

степень боеготовности Объединенных вооруженных сил НАТО при одновременном повышении их мобильности.

По концепции 1991 г., военный фактор больше не являлся единственным компонентом “общей (в рамках НАТО) безопасности”, а сама военная стратегия строилась вокруг ключевых элементов политического сотрудничества, контроля над вооружениями и оборонной достаточности. Впервые в истории НАТО в фундамент военной стратегии этого блока был заложен курс на установление широких контактов со странами, не входящими в него. С этой целью, как известно, был специально создан Совет Североатлантического сотрудничества (ССАС), а в 1994 г. инициирована программа “Партнерство ради мира” (ПРМ). В этом же русле лежат договоренности НАТО с Россией, зафиксированные в Основополагающем акте Россия-НАТО, подписанном в Париже 27 мая 1997 г.

Хотя подписание этого соглашения несколько утихомирило страсти, бушевавшие в России вокруг проблемы, связанной с решением Запада о расширении НАТО на Восток, тема эта отнюдь не снята с повестки дня. И, надо полагать, при каждой новой волне расширения, эта тема будет становиться все более злободневной, а отношения с Европой все более напряженными. Ибо по этому поводу в России сложился консенсус различных политических сил, заключающийся в том, что расширение НАТО на Восток ни что иное как агрессивная экспансия, несущая в себе опасность ее национальным интересам. Негативно воспринимается и стремление Североатлантического союза стать центром системы безопасности в Европе, своеобразным “страховым полисом” западных стран, заменить собой ОБСЕ.

Именно на эти цели, по мнению многих российских аналитиков, направлена и Стратегическая концепция НАТО, принятая 23-25 апреля 1999 г. в Вашингтоне, в которой говорится буквально следующее: “Идет процесс становления новой Европы, основанный на большей интеграции, создается структура североатлантической безопасности, **в которой НАТО играет главную роль**”¹(выделено мной – Я.П.).

Оценка такого подхода со стороны Москвы была однозначной. “Диктат и произвол легли в основу новой стратегической концепции НАТО. – заявил министр обороны РФ маршал И.Сергеев, оценивая новую концепцию Североатлантического альянса. – Провозглашено право вести военные действия в любом районе земного шара по собственному усмотрению без санкции ООН, не считаясь с суверенитетом и неприкосновенностью границ, национальными интересами других государств. И эта концепция уже реализуется. Наглядным подтверждением служит вооруженная агрессия США и НАТО против Югославии”².

¹ Путеводитель по материалам саммита НАТО в Вашингтоне 23-25 апреля 1999 г. Брюссель. Отдел информации и печати НАТО. 1999, с.47.

² Красная Звезда. 1999. 13 ноября.

Расширение НАТО воспринимается очень многими в России как продолжение той стратегии, которую блок осуществлял против СССР в течение всех лет своего существования. “Укрепление военно-политических блоков и союзов, прежде всего расширение на Восток отнесено в “Концепции национальной безопасности Российской Федерации”, утвержденной президентом В.Путиным 10 января 2000 г., к числу основных угроз для России в международной сфере¹.

Правда, как это ни удивительно, в этой же “Концепции...” ничего не говорится о том, как Россия собирается противостоять этой угрозе. И это несмотря на то, что в ней есть специальная глава (IV), посвященная обеспечению национальной безопасности Российской Федерации.

Нет упоминаний о НАТО и в ежегодном Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, и в выступлении В.Путина при представлении этого документа 8 июля 2000 г. этому же Собранию. В этом выступлении президент упоминает лишь о том, что “Россия столкнулась с системным вызовом государственному суверенитету и территориальной целостности, оказалась лицом к лицу с силами, стремящимися к геополитической перестройке мира”².

В отличие от вышеупомянутых документов тема “Россия-НАТО” подробно рассматривается в “Концепции внешней политики РФ”, утвержденной президентом России В.Путиным в начале июля 2000 г.

В этом документе подчеркивается, что Россия исходит из важности сотрудничества с НАТО “в интересах поддержания безопасности и стабильности на континенте и открыта для конструктивного взаимодействия”. Интенсивность сотрудничества с этим блоком будет зависеть от выполнения им ключевых положений “Основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора” от 27 мая 1997 г. и в первую очередь тех положений этого документа, которые касаются неприменения силы и угрозы силой, размещения на территориях новых членов этого блока группировок обычных вооруженных сил, ядерного оружия и средств его доставки. “Вместе с тем, – говорится далее в “Концепции внешней политики Российской Федерации”, – по целому ряду параметров нынешние политические и военные установки НАТО не совпадают с интересами безопасности Российской Федерации, а порой прямо противоречат им. В первую очередь это касается положений новой стратегической концепции НАТО, не исключая ведения силовых операций вне зоны действия Вашингтонского договора без

¹ См. Российская газета. 2000. 18 января.

² Российская газета. 2000. 11 июля.

санкций Совета Безопасности ООН. Россия сохраняет негативное отношение к расширению НАТО”¹.

Негативное отношение к стратегии НАТО вызывает у российских политиков не только протест, но и конкретные меры противодействия. В этом ключе решается сейчас и проблема оборонного бюджета России. Его увеличение в 2001 году в сравнении с 2000 г. должно составить, как сообщалось, 30%. Хотя одновременно взят курс на значительное сокращение вооруженных сил России. Речь идет об уменьшении на 600 тысяч военнослужащих, из 3 млн., стоящих ныне под ружьем. Только на вооруженные силы РФ выпадает 350–400 тысяч².

Было бы, однако, неверно, столь однозначно и одномерно трактовать и политику России в отношении НАТО и, наоборот, политику НАТО в отношении России. Неверно полагать, что кроме ястребов ни там на там никого нет. Все значительно сложнее. И с одной стороны и с другой есть силы, которые хорошо осознают, что процессы глобализации и проблемы, стоящие перед всем человечеством, требуют принципиально новых взаимоотношений между государствами взаимодействия, в решение мировых проблем, поиска путей сотрудничества и т.д. Действительно, *альтернативы конструктивным отношениям* между Россией и НАТО сейчас нет и в нынешней ситуации быть не может.

Исходя из такого подхода, политическое руководство России в начале 2000 года приняло решение о постепенном размораживании отношений с блоком НАТО, приостановленных во время прошлогодних событий в Югославии. Начало этому процессу положили, как известно, заседания Совместного Постоянного совета на уровне министров иностранных дел и обороны в мае-июне 2000 г.

Эта позиция получила отражение, как мы видели выше, и в “Концепции внешней политики Российской Федерации”.

2. Россия – Европейский Союз: трудное движение навстречу друг другу.

Заметно иначе, чем с НАТО, складываются в последние годы отношения России с Европейским союзом и с каждым входящим в него государством в отдельности. Это особенно заметно, если сравнить нынешнее состояние отношений с тем, каким оно было еще сравнительно недавно.

В период “холодной войны” и блокового противостояния, вплоть до середины 80-х годов, отношения между СССР и ЕС едва выходили за рамки общих политических аспектов, которыми определяются общепризнанные интересы безопасности государств. Что же касается экономических связей, то они были непрочными, мелкомасштабными и не играли заметной роли в развитии хозяйственных потенциалов сторон.

¹ Российская газета. 2000. 11 июля.

² См. Известия. 2000. 28 сентября.

В годы советской перестройки лед, как говорится, тронулся и в результате усилий обеих сторон 18 декабря 1989 г. между СССР и Европейским сообществом по атомной энергии были установлены отношения, оформленные Договором о торговле, коммерческом и экономическом сотрудничестве.

Следующие шаги были сделаны уже после крушения социалистической системы и распада СССР, что предопределило как новые принципы отношений, так и их масштабы.

Закладывая фундамент своей новой внешней политики, России нельзя было, разумеется, не учитывать того обстоятельства, что Евросоюз сегодня – это крупнейшее в мире интеграционное объединение, куда входят 15 европейских стран с перспективой расширения до 25–27. Население стран ЕС составляет 370 млн. человек, а совокупный объем ВВП не уступает по объему ВВП США. ЕС концентрирует 40% мировой торговли товарами и располагает вторым в мире после США финансовым и научно-техническим потенциалом.

Что касается России, то она занимает 5-е место в ряду крупнейших импортеров и 6-е среди экспортеров Евросоюза. Кроме этого Россия рассматривается этим союзом как перспективный экономический партнер и одновременно важным связующим звеном, или, иначе говоря, мостом между Европой и Азией.

В отличие от отношений между Россией и НАТО, в связях между Россией и Евросоюзом присутствует не только дух искренней заинтересованности друг в друге, но и настойчивое стремление развивать и расширять отношения. Этот дух благожелательного интереса доминирует фактически во всех официальных российских документах. Сошлюсь для примера, на уже упоминавшуюся мною выше “Концепцию внешней политики Российской Федерации”. “Ключевое значение, – говорится в этом документе, – имеют отношения с Европейским союзом (ЕС). Процессы происходящие в ЕС, в растущей степени влияют на динамику ситуации в Европе. Это расширение ЕС, переход к единой валюте, институциональная реформа, становление общей внешней политики и политики в области безопасности, оборонной идентичности. Рассматривая эти процессы как объективную составляющую европейского развития, Россия будет добиваться должного учета своих интересов, в том числе применительно к сфере двусторонних отношений с отдельными странами – членами ЕС.

Российская Федерация видит в ЕС одного из своих важнейших политических и экономических партнеров и будет стремиться к развитию с ним интенсивного, устойчивого и долгосрочного сотрудничества, лишённого конъюнктурных колебаний”¹.

В основе отношений Россия-ЕС лежат два документа: “Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и ЕС”, заключенное 24 июня 1994 г. и вступившее в силу 1 декабря 1997 г. и “Стратегия развития отношений Российской

¹ Российская газета. 2000. 11 июля.

Федерации с Европейским союзом” 1999 г. Соответствующие документы в отношении России имеются и у Евросоюза. Это прежде всего упомянутое “Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Евросоюзом”, а также “План действий для России”, одобренный 13 мая 1996 г. Советом министров ЕС после предварительных консультаций с Москвой по основным положениям этого документа.

Важное значение для развития отношений между Россией и Евросоюзом имела встреча на высшем уровне, состоявшаяся в Москве 18 февраля 1999 г. между президентом РФ Б.Ельциным, председателем Европейского совета Г.Шредером и председателем Комиссии Европейских сообществ Ж.Сантерой. На этой встрече было согласовано и одобрено совместное заявление всех ее участников, в котором говорится: “На пороге нового тысячелетия мы согласились в том, что развитие двусторонних отношений Россия-ЕС является основополагающим фактором мира и стабильности на европейском континенте, выразили надежду на выработку общих подходов к вызовам XXI века”¹. Эта обоснованная и по сути принципиальная констатация вполне соответствует духу более раннего документа – заключительного коммюнике первой сессии Совета сотрудничества Европейского союза с Российской Федерацией, действующего на уровне министров, в котором подчеркивается: “Европейский союз и Россия являются стратегическими партнерами в деле мира, стабильности; свободы и процветания в Европе. Они разделяют ответственность за будущее континента и за его пределами”².

Эти и подобные констатации, содержащиеся в других российско-евросоюзовских документах, говорят, скорее, о том, какими должны быть отношения между двумя сторонами, а не о том, какие они есть. Развивая свои отношения с Евросоюзом на основе тех документов, о которых говорилось выше, Россия исходит из вполне прагматичных интересов, а именно из того, что эти отношения играют ключевую роль как в процессе ее включения в Большую Европу, так и в получении поддержки со стороны Запада в проведении демократических реформ.

Наряду с этими интересами немаловажную роль играют также торгово-экономические и научно-технические связи с Евросоюзом, перспективы привлечения значительных финансовых ресурсов и иностранных инвестиций в Россию и, наоборот, российских – в Европу. В связи с этим уместно напомнить, что доля Евросоюза в совокупной западной помощи Российской Федерации превышает 65%.

Развитие отношений с ЕС рано или поздно может поставить на повестку дня и вопрос об интеграции России в эту организацию. Здесь, однако, мне хотелось бы сделать оговорку, чтобы не сложилось впечатление, что автор питает иллюзию по поводу

¹ Дипломатический вестник. Март 1999. №3, с.5.

² Conclusions in Foreign Policy Subjects by the EU/Russia Cooperation Council on 27 January First Meeting of the Cooperation Council between the EU and Russian Federation//European Union Press Office. Brussels, 27 Januar, 1998.

перспектив вступления России в Евросоюз. Оставаясь на почве реальности, надо признать, что эти перспективы весьма туманны, если не сказать более определенно, а именно, что таких перспектив нет совсем. Такой вывод напрашивается хотя бы уже из того обстоятельства, что Россия и Евросоюз принципиально по-разному оценивают роль и значение для себя другой стороны.

В то время как для России направление Евросоюза имеет приоритетное значение, Россия для ЕС всего лишь *одна из государств* на постсоветском пространстве, имеющее важное значение прежде всего как источник сырьевых ресурсов, и прежде всего, пожалуй, энергоносителей, что еще раз подтвердил и сентябрьский “бензиновый кризис” в Европе и реакция на него властей основных западных стран. Исходя из этого, Евросоюз и проводит свою конкретную политику на российском направлении, которая несет в себе элементы явной дискриминации. В подтверждение этого тезиса можно привести следующие примеры. Несмотря на договоренность об отмене в 1992 г. количественных ограничений в торговле (свыше 3 тыс. товарных позиций) в отношении российского экспорта, они до сих пор сохраняются. Следующий пример связан с фактическим отказом признать Россию страной с рыночной экономикой, несмотря на то, что еще 27 апреля 1998 г. на заседании Совета Европы было принято решение об исключении России из списка стран с нерыночной экономикой. Правда, в самое последнее время свет, кажется, забрезжил в конце тоннеля, и руководство ЕС выразило готовность предпринять некоторые практические шаги по решению этой проблемы. Как бы ни развивались события, расширение экономического сотрудничества, взаимодействие в укреплении безопасности на европейском континенте, совместное с Россией решение проблем экологии и другие сферы – все это объекты пристального внимания ЕС.

Кроме проблемы признания России страной с рыночной экономикой есть и другое важное обстоятельство, препятствующее сближению России и ЕС. Состоит оно в том, что самые развитые страны Евросоюза одновременно являются и членами НАТО. Это, естественно, не может не сказываться на их отношении к России. Несмотря на все эти обстоятельства, опыт формирования и развития Евросоюза является для России, с одной стороны, своеобразной моделью в построении отношений со странами СНГ, а, с другой стороны, важным амортизатором в отношениях с НАТО. Весьма наглядно это проявилось в начале октября сего года в столице Казахстана Астане во время саммита лидеров шести стран СНГ, на котором было принято решение о создании по примеру ЕС Евроазиатского экономического союза.

Особым вниманием руководства ведущих стран Европы и России пользуются вопросы ядерного разоружения и ограничения производства ядерных материалов, сокращения обычных вооружений, космические исследования. Стороны взяли на себя обоюдные обязательства сотрудничать в деле устранения угрозы для безопасности,

которая исходит от распространения оружия массового поражения и ракетных средств его доставки, в том числе в формате режима контроля за ракетными технологиями.

Говоря об обоюдных интересах России и Евросоюза, важно иметь в виду, что они так или иначе воздействуют на практическую политику обеих сторон. Так, интересы России влияют на позицию Евросоюза, которая, кстати говоря, не всегда совпадает с позицией Совета Европы. Весьма наглядно это проявилось зимой и весной 2000 г., когда, несмотря на попытки Совета Европы оказать на Россию давление в связи с ситуацией в Чечне, Евросоюз отказался заморозить “Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС”.

3. Некоторые выводы и заключительные размышления

На пороге XXI столетия мы все, надеюсь, достаточно явственно ощущаем, что человечество стоит перед чрезвычайно важными для него вызовами: экологическими, энергетическими, техногенными, продовольственными, сырьевыми и пр. Ускоряющаяся глобализация и те проблемы, которые она несет миру, требует от государств и народов весьма и весьма осмотрительного, сбалансированного и, я бы даже сказал, осторожного и аккуратного поведения¹. Особенно от тех государств и народов, которые идут впереди, возглавляют прогресс. Западные страны, безусловно, относятся к числу первых из них. Интегрировать отстающие народы в сложные процессы развития, чтобы не подавить их достоинство и самобытность, сохранить их своеобразие – вот та задача, которую необходимо последовательно решать. Если есть реальная возможность пойти по более простому и легкому пути – пути интеграции по условиям и правилам диктата сильного, велик соблазн сделать именно так. Но это путь к монополии, а значит, в конечном счете, путь к самовыврождению, самоистреблению.

¹ Обстоятельные идеи на этот счет содержатся в небольшой книге российского академика Н.Н.Моисеева “Размышления о современной политологии”, изданной в 1999 г., вскоре после его кончины. Особый интерес в связи с темой данной статьи представляют две главы этой книги: глава 2 – “Цивилизационные разломы как источник конфликтов. Эколого-политологический анализ” и глава 3 – “Современная планетарная обстановка”. Особенно актуальны следующие мысли этого ученого, которые он высказал за несколько дней до своей смерти. “Вся планета, как и наша страна, – писал он в обращении к участникам “круглого стола” по его книге “Быть или не быть человечеству?” – находится на пороге неизвестности и непредсказуемости. Можно лишь утверждать с достаточной долей уверенности в своей правоте, что планета и мировое сообщество вступают в новую стадию развития. Человечество превращается в основную геологообразующую силу... Человек подошел к пределу, который нельзя переступить ни при каких обстоятельствах. Один неосторожный шаг – и человечество сорвется в пропасть. ...*По моему мнению, новая цивилизация должна начаться не с новой экономики, а с новых научных знаний и с новых образовательных программ.* (Курсив мой – Я.П.) Человечество должно научиться жить в согласии с Природой, с ее законами. Люди должны воспринимать себя не господами, а частью Природы. Новые моральные принципы должны войти в кровь и плоть Человека. Для этого необходимо не только специальное, но и гуманитарное образование. Я убежден, что XXI век будет веком гуманитарного образования, подобно тому, как XIX век был веком пара и инженерных наук”. (Независимая газета. 2000. 23 августа).

Найти модель гармонии между глобализацией и национальными интересами, между цивилизациями ради спасения красоты и многообразия нашего мира значительно сложнее и почетнее, чем устремиться по пути монопольного диктата.

Россия и Европа – различные цивилизации, их разделяет, как я уже говорил в самом начале, цивилизационный разлом, самый сложный из всех разломов, преодолеть который не просто, если вообще возможно. Но сказанное не означает, что не надо пытаться это делать. Ускоряющаяся глобализация обрекает нас преодолевать цивилизационные разломы, искать и находить консенсус по всем основным вопросам развития человечества.

В этой ситуации, как мне представляется, России и Европе следует строить свои взаимоотношения исходя из следующих фундаментальных обстоятельств и принципов:

1. Все постсоветское пространство является прежде всего и главным образом зоной жизненно важных исторически сформировавшихся интересов населяющих его народов. А для некоторых народов, в частности, быстро увеличивающихся количественно (среднеазиатских и закавказских) или бедных природными ресурсами (украинского, прибалтийских и молдавского) эта жизненная необходимость выражена еще острее, чем для русского народа. Это пространство складывалось в течение веков в сложной борьбе и противоречиях и грубо вмешиваться в него и тем более стремиться его навсегда разорвать, не допустить реинтеграции, как это кое-кто стремится сделать, значит нарушать сам фундамент его жизнедеятельности. Ничего позитивного из такого вмешательства вырасти не может. Этому пространству следует помогать функционировать, хотя оно по сути своей самодостаточное и саморегулирующееся, что подтвердил опыт советского периода нашей истории, и только в таком случае оно будет, как и в прежние времена, выполнять свою глобальную историческую миссию, важную для всего человечества, миссию гасителя и амортизатора цивилизационных противоречий между Западом и Востоком, Севером и Югом.

В этой ситуации Европе, на мой взгляд, было бы разумно дистанцироваться от той политики, которую на постсоветском пространстве стремятся проводить США¹. Более

¹ Цели и содержание этой политики весьма откровенно отражены в книге знаменитого американского исследователя и политолога, советника Вашингтонского Центра стратегических и международных исследований 72-летнего Збигнева Бжезинского “Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы”, изданной в США в 1997 г., а в России издательством “Международные отношения” в 1998 г., а также в некоторых его интервью. В частности, в интервью “Независимой газете”, опубликованном 31 декабря 1998 г. Некоторые из своих детей З.Бжезинский вновь повторил совсем в сентябре с.г. в интервью газете “Известия”. “Если Россия хочет выжить как государство, – говорил он, – она должна сделать все свое пространство – от Калининграда до Владивостока – европейским. А если она не установит близких связей с Европой, я не исключаю, что в 2050 году Владивосток перестанет быть российским. Но стать европейской страной Россия может лишь тогда, когда оставит свои имперские амбиции. *Воспрепятствовать этому мы можем только одним – всемерной помощью независимым государствам на постсоветском пространстве*”. (Курсив мой – Я.П.). (Известия. 2000. 21 сентября). Для понимания идей и замысла, изложенных в “Великой шахматной доске” З.Бжезинского интерес представляют две подробные аналитические рецензии на эту тему: рецензия В.А.Кременюка, озаглавленная “Самонадеянность силы. Збигнев Бжезинский и проблемы Евразии”, опубликованная в

взвешенная политика будет, безусловно, выгодна и Европе тоже, а не только постсоветским республикам. (В этой связи я хотел бы сослаться на авторитетное мнение руководителя делегации Евросоюза Йорана Линдала, который на “круглом столе” промышленников РФ и ЕС, состоявшемся в первых числах октября с.г. в Москве и в котором участвовало более 200 представителей ведущих западноевропейских и российских фирм, заявил следующее: ”В настоящее время происходят изменения не только в России, но и в Европе и стороны нужны друг другу все больше”. По мнению г-на Линдала, не исключено такое развитие ситуации, при которой “Европа будет больше нуждаться в России, чем наоборот”¹.)

2. Ориентация некоторых европейских деятелей на превращение России и других стран СНГ в сырьевой придаток (что почти равнозначно колониальному придатку) – это по сути своей и в принципе глубоко ошибочная ориентация. Из нее ничего хорошего не выйдет, сколько бы усилий и средств на реализацию этой идеи ни затратили. Ни для одной из сторон. К счастью, эта ориентация, по моим оценкам, не доминирующая. Преобладает иной подход – на развитие равноправных, взаимовыгодных отношений. Несмотря на наличие значительных проблем в различных областях, все более отчетливо видно, что в отношениях между Россией и Европой формируется доминанта конструктивного взаимовыгодного взаимодействия, которая все более воздействует на все стороны отношений. Это единственный разумный перспективный подход.

3. Традиционное, фактически многовековое неприязненное и даже враждебное отношение друг к другу, укоренившееся, можно считать, в психологии населения обеих сторон, за несколько лет устранить объективно невозможно. Наибольшее значение в их устранении могут и должны сыграть усилия, направленные на преодоление или хотя бы сужение цивилизационного разлома.

Речь идет прежде всего об усилиях в области культуры, образования, науки, искусства, гуманитарных связей. России, как мне представляется, следует помочь также в формировании и развитии институтов гражданского общества. России, если угодно, нужен своеобразный план Маршалла, но не с финансовым, а цивилизационным, гуманитарным содержанием. Необходимо как можно больше прямого общения между людьми, подготовки кадров, в том числе профессиональных политологов. Как раз в этом русле лежит идея уже упоминавшегося З.Бжезинского, который не только поддержал, разработанную Библиотекой Конгресса США, программу обучения в Америке 2 тысяч российских студентов, но предложил увеличить их число в 10 раз, до 20 тысяч². Пора, на мой взгляд, сосредоточиться на подготовке социальных менеджеров, политиков

№11 “НГ–сценарии” за 1998 г., и рецензия В.Симферопольского “Открыт сезон охоты”, опубликованная в “ЕХ–libris НГ” 1 октября 1998 г.

¹ Независимая газета. 2000. 12 октября.

² См. интервью З.Бжезинского газете “Известия” 21 сентября 2000 г.

демократического типа, а не только промышленных менеджеров, как это делается сегодня в странах ЕС и других странах, в частности, в Японии. Для этого нужны будут десятилетия и целенаправленные усилия не только политиков, но и их народов.

4. В различных областях отношения между Россией и Евросоюзом развиваются по-разному: на различной основе с разной скоростью, масштабностью и т.д.

Экономические и другие связи между Россией и ЕС развиваются значительно интенсивнее и прагматичнее, чем другие. Это естественно. Экономический интерес и выгода нередко заставляют пересматривать не только позиции, но и принципы отношений в других областях, в том числе политической. Надо полагать, что со временем это скажется и на отношениях с НАТО.

5. Территория России и некоторых других стран СНГ, прежде всего Центрально-азиатских, представляет собой огромную кладовую самых разнообразных природных ресурсов, в которых уже нуждаются, а с течением времени будут нуждаться все больше и страны Запада и страны Востока. Но если Восток это уже осознал и все более активно включается в разработку топливно-энергетических ресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока, то Запад занимает в целом пока выжидательную позицию и не спешит в Россию, справедливо ссылаясь на политическую неопределенность и нестабильность, несовершенство инвестиционного и иного законодательства и т.д.

Но рано или поздно Западу все же придется преодолеть свои сомнения в отношении России и всей своей технологической, научной и человеческой мощью принять участие в полномасштабном освоении ресурсов России и других стран СНГ. Одним россиянам эта задача не под силу. Ни сейчас, ни в обозримом будущем.

Заканчивая, подчеркну следующую мысль Россия и Европа, чем дальше, тем больше, не смогут обходиться друг без друга. Те объективные и субъективные препятствия, о которых говорилось в самом начале, и которые лежат в основе цивилизационного разлома, меняют свое содержание. В том числе и потому, что Россия сейчас меняет свой цивилизационный и генетический код. Происходит это благодаря многим обстоятельствам. Развитие транспортных артерий быстро сближает нас географически, теплеет климат, что облегчает доступ к природным ресурсам, россияне довольно быстро осваивают новые идеологии, прежде всего либеральную, меняют образ жизни на западный манер, перестраивают политическую систему и власть, приближаясь к доминирующим мировым нормам и т.д. Коротко говоря, впервые за многовековые отношения меняются базовые факторы российской цивилизации и ментальности и вместе с ними базовые факторы отношений, что позволяет надеяться, что цивилизационный разлом будет постепенно сужаться. Чем дальше, тем больше, Россия и Европа не смогут обходиться друг без друга, постепенно превращаясь в единую Большую Европу, какой она и должна быть по своей географии.

